

та. В некоторых болгаро-татарских легендах сообщается, что это лечение было произведено при помощи парной бани и веников из веток камских берез. Еще в домонгольское время болгары широко пользовались в лечебно-гигиенических целях банями, в том числе и общественными. Хамид ал-Гарнати, например, сообщает о трех таких больших банях, имевшихся в Булгаре — столице Болгарии, называвшейся тогда и Билярсом [6]. Археологические остатки одной из таких бань, построенных из кирпича в XI—XII вв., выявлены на Билярском городище.

Широкое использование бань, в том числе и каменно-кирпичных, в лечебно-гигиенических целях было характерно и для дунайских болгар IX—X вв. Об этом свидетельствуют археологически изученные остатки таких бань в столицах Первого Болгарского царства — Плиске и Преславе [1], причем на Волге и Дунае указанные бани имели подпольно-гипокаустную систему отопления и примерно одинаковую продольно-параллельную планировку.

Показательно, что профессиональные врачи-медики и в Дунайской [4] и Волжской [6] Болгарии назывались одинаково — «билер», то есть знаток. Данное название не следует считать арабским словом [5]. Этимология слова «билер» до-

статочно прозрачна. Это древнетюркское слово с корневым понятием «bil», что означает «знать», «ведать» [3]. Между прочим, до сих пор в болгарском языке лекарственные травы называются «билк» [2]. Таким образом, в области медицины у болгар на Дунае и болгар на Волге в IX—XII вв. было много родственного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бояджиев Ст. // Архитектурата на Първата и Втората Българска държава. — С., 1975.
2. Българско-руски речник. — С., 1986.
3. Древнетюркский словарь. — Л., 1969.
4. Етнография на България. — С., 1985. — Т. III.
5. Кристанов П. // Развитие на естествознанието и медицината в нашите земи. — С., 1966.
6. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.). — М., 1971.
7. Халиков А. Х. // Шуманска заря. — Шумен, 1976, брой 181, 182, 183.
8. Хвольсон Д. А. // Известия о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и русских Ибн Даста. — СПб., 1869.

Поступила 06.07.89

УДК 356.33:069 (477)

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕМЕЦКИХ УЧЕНЫХ-МЕДИКОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА В КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В. Ю. Альбицкий, А. Б. Галлямов

Кафедра гигиены труда (зав. — проф. Н. Х. Амиров)
Казанского ордена Трудового Красного Знамени медицинского института имени С. В. Курашова

В оценке роли немецких медиков в истории русской медицины издавна существовали две взаимоисключающие концепции: одна из них чрезвычайно преувеличивала эту роль, полностью отрицая самостоятельность русской врачебной мысли в первой половине прошлого столетия, другая — негативно оценивала зарубежный опыт и деятельность иностранцев-медиков в России. Однако однозначная оценка деятельности немецких ученых-медиков является ошибочной. Об этом убедительно свидетельствуют данные об их деятельности в Казанском университете.

В Уставе Казанского университета от 1804 г. было указано, что при замещении вакансий «природные россияне, нужные знания и качества имеющие, должны быть предпочтены чужестранным» [5]. Тем не менее при открытии в 1814 г. медицинского факультета все его кафедры возглавляли ученые-немцы, что объяснялось острым недостатком собственных научных кадров. 11 из 19 профессоров-медиков, работавших в Казани в 1814—1854 гг., были иностранцами, причем 9 — немцами.

Анализ деятельности немецких ученых-медиков в Казанском университете показывает, что некоторые из них приехали в Россию, выражаясь словами поэта, «за ловлей счастья и чинов». Им были чужды национальные интересы русского государства, не отличались они и как специалисты. Их деятельность на долгие годы оставила о себе недобрую память. Типичным представителем такой группы иностранцев-медиков в Казани был, например, профессор частной патологии и терапии

И. Г. Линдгрэн. Он прославился как «заведомый гомеопат» [1]. Его лекции были «несовременные, устаревшие, не представляющие никакого интереса». Ясное представление об отношении И. Г. Линдгрэна к своим педагогическим обязанностям дают следующие воспоминания: «Однажды он среди лекции вышел на короткое время освежиться... Один из студентов в это время подошел к кафедре и перевернул несколько страниц в тетради... Возвратясь, Линдгрэн продолжал лекцию. До выхода он читал... о скорбете и не кончил еще об этой болезни, а по возвращении он читал по перевернутой тетради уже о воспалении почек» [3]. Эту группу ученых отличало презрение ко всему русскому. Упомянутый уже проф. И. Г. Линдгрэн за более чем 20-летнюю службу в Казанском университете так и не овладел по-настоящему русским языком и читал свои лекции по латыни. На лекциях он откровенно заявлял студентам, что русские не способны к изучению медицины. Читая лекции о воспалении мозга, он говорил, что «болезнь эта редко встречается между русскими учеными, но зато весьма часто между немцами, у которых мозг более восприимчив и более приспособлен к умственным занятиям» [3].

Ученых типа проф. Линдгрэна было не так уж и много. Их тормозящее влияние на развитие русской медицины не следует преувеличивать, хотя именно они в первую очередь и породили негативное отношение к деятельности немецких медиков в России. Однако нельзя забывать и другую группу немецких ученых, работавших в России. Отражая в своей деятельности и в научном твор-

честве передовые веяния эпохи, они беззаветно выполняли свой врачебный долг; многие из них золотыми буквами вписали свои имена в историю русской медицины. Типичными представителями этой группы ученых в Казани были Ф.-Х. Эрдман и К. Ф. Фукс. Ф.-Х. Эрдман окончил Виттенбергский университет, здесь же в 1802 г. защитил докторскую диссертацию, а в 1807 г. получил звание ординарного профессора патологии и терапии. В 1810 г. 32-летний немецкий ученый занял кафедру патологии, терапии и клиники в Казанском университете, которой руководил семь лет. С 1814 г., то есть со времени открытия медицинского факультета, именно он был его первым деканом.

В историю казанской медицинской школы Ф.-Х. Эрдман прежде всего вошел как основатель клинического преподавания. Будучи с 1811 г. врачом больницы при Казанской гимназии, он начал проводить здесь «клинические изъяснения шесть раз в неделю после 10 часов по утру» [2]. Таким образом, несмотря на отсутствие клиники в университете, Ф.-Х. Эрдман сумел организовать обучение студентов у постели больных. С 1818 г. профессор вместе со студентами открыл в гимназической больнице амбулаторный прием. Тем самым он положил начало поликлиническому обучению казанских студентов. В 1816 г. Ф.-Х. Эрдман добился того, чтобы в доме, предназначенном для типографии университета, выделили помещение сначала на 4, а на следующий год на 8 клинических коек. Так началась история клиники Казанского университета.

Вот яркое воспоминание о Ф.-Х. Эрмдмане (какой, между прочим, контраст воспоминаниям о И. Г. Линдгрене!), характеризующее его как замечательного преподавателя, первого профессора терапии в Казанском университете. «Самым пламенным желанием его было высказать себя всего, передать своим слушателям весь богатый запас своей учености, своей опытности, своих наблюдений. Он не ограничивался положенных для лекций числом часов, но, кроме того, ежедневно занимал своих слушателей наставлениями в клиническом институте, в университетской и гимназической больнице, в которых для этой цели принял на себя обязанности врача. Нередко, говорят, случилось, что частные свои докторские визиты он, к изумлению своих пациентов, делал в сопровождении своих слушателей, которым тут же передавал свои наблюдения и свои мысли о средствах к управлению больного. Мало и этого. Деятельный профессор учредил у себя на дому беседы, в которых студенты под его руководством упражнялись в медицинских диспутах» [6].

Весомым вкладом в историю развития Казанского университета в периоде его становления явилась врачебная, научная и общественная деятельность К. Ф. Фукса. Возглавив с 1805 г. кафедру естественной истории и ботаники, а с 1819 г. терапевтическую клинику, К. Ф. Фукс посчитал «нравственной обязанностью» обращаться к своим слушателям на их родном языке и вскоре «до такой степени изучил русский язык или, как выражался он, язык своего второго отечества, что мог изъясняться на нем свободно — как изустно, так и письменно» [4].

Вся деятельность К. Ф. Фукса в России пронизана духом гуманизма и просветительства. Во время Отечественной войны 1812 г. он «денно и ночью» находился среди тифозных больных, сам

едва не став жертвою тифа. В 1830 г. К. Ф. Фукс находился в гуще борьбы с первой эпидемией холеры в России (сначала в Казани, затем в Нижнем Новгороде). Публикации ученого полны сочувствия к беднейшим слоям населения в связи с их бесправным положением в обществе. Так, в актовой речи «О болезнях жителей Уральских гор» К. Ф. Фукс показал нечеловеческие условия жизни и труда горняков Урала: «Дети, рожденные от работающих на рудниках, которые уже с раннего детства сами зарабатывают на жизнь в рудниках, из-за переданной родителями по наследству слабости здоровья, отравленные воздухом рудников, не могут сопротивляться гибели и долго не живут. Приезжие, которые по горькой судьбе сюда прибывают из отдаленных мест, или же ссыльные, которые пользуются крепким здоровьем, вскоре начинают тяжело болеть из-за тех работ, которые они производят в рудниках, а те, которые и были некрепкими, вскоре умирают... В 1817 г. в городе горняков Богославенске такая тьма приезжих умерла от желудочных болезней, что из 1200 человек едва 400 осталось в живых... Особенно город рудников Нижне-Туринское, который они в душе называют адом, приблизил большое число этих несчастных людей к смерти» [7].

Мировоззренческая платформа таких ученых-иностранцев, как К. Ф. Фукс, способствовала развитию материалистических традиций в русской медицине. К. Ф. Фукс реалистически смотрел на мир, признавая его первичность по отношению к сознанию.

Приведенный выше материал позволяет сделать два важных, на наш взгляд, вывода. Во-первых, привлечение в России в первой половине XIX века ученых-медиков из-за рубежа, чаще всего из Германии, способствовало развитию русской медицины. Этим компенсировалась нехватка собственных научных кадров, особенно необходимых для становления новых университетских центров России. В истории российских университетов педагогическая деятельность передовых немецких ученых оставила, бесспорно, глубокий след. Во-вторых, противоречивость в оценке деятельности немецких ученых в России отражала различные общественно-политические течения жизни русского общества той эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боборкин П. // «Русская мысль», 1906, май, с. 6.
2. Извещения о преподавании наук в Казанском университете с 13 августа 1814 по 10 июня 1815 года. Казань, 1814, с. 14.
3. Ильинский А. И. // «Русская старина», 1894, 81, апреля, с. 10.
4. «Казанские губернские ведомости», 1846, 22, с. 215.
5. Корбут М. К. // Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет 1804/05—1929/30. — Казань. — Т. 1, 1930. — С. 14.
6. Отчет о состоянии Императорского Казанского университета в 1846—1847 академическом году. — Казань, 1847, с. 16—17.
7. Fuchs C. // De morbis infoliarum montium Uralensium. — Kazan, 1824, 2.

Поступила 28.06.89.